

А. Лейбман (Лев). Коммуна «Икор»

Пионеры-коммунары на фронте строительства социалистического Биробиджана

Книга Льва Лейбмана «Коммуна ИКОР» на языке идиш, опубликованная в Минске в 1932 году, – уникальный источник информации по истории создания первой и последней на территории СССР в Еврейской автономной области сельскохозяйственной коммуны. Книга хранится в Национальной библиотеке Израиля в г. Иерусалиме.

Перевод книги с идиша выполнила Елена Сарашевская. Издатели перевода благодарят Елену Марундик (г. Хайфа) и Марину Еремину (г. Иерусалим), которые взяли на себя труд по поиску данной книги.

Предисловие

Максим Горький пишет о цикле «История фабрик и заводов» следующее: «Рабочий класс Союза Советов строит на огромной земле своей социалистическое общество. Достаточно ли осведомлены мы об успехах социалистического строительства? Хорошо ли мы знаем то, что делается на всех фабриках и заводах, шахтах и рудниках нашей огромной страны? На эти вопросы можно ответить только так: мы крайне плохо знаем все то, что совершается в Союзе Советов трудом концентрированной энергии миллионов единиц рабочего класса».

Что же в таком случае сказать о Биробиджане? Знаем ли мы, что там происходит, какая грандиозная работа там свершается? Кроме случайных сообщений – довольно часто сомнительного качества – мы не знаем ничего об успехах еврейского ишува на социалистическом фронте.

Цель данной книги – просто, «без претензий» описать эпопею сражений молодежной коммуны на полях Биробиджана (несколько фотографий, которые вы встретите в книге, служат в качестве иллюстраций к тексту).

Эта книга отличается от многих других, написанных в последние годы о Биробиджане. Во-первых, здесь говорится только об одном коллективе – коммуне «Икор». Во-вторых, этот материал не априорный и не прогнозный. Это итог трехлетней работы в Биробиджане. Здесь находит отражение не только радость работы, полученных результатов и побед, но также и масса трудностей и препятствий – все, что сопровождает любую колонизацию на новой, малообжитой земле. На втором моменте мы в этом историческом обозрении намеренно остановились более подробно, – чтобы показать, что Биробиджан требовал (и требует сейчас) преодоления

трудностей, которые, однако, могут быть устранены благодаря высокому энтузиазму революционного пыла. Эта книга составлена на основе личных наблюдений, рассказов коммунаров, протоколов и писем и должна восприниматься как исчерпывающий материал (не считая финансовых документов коммуны, которые по разным причинам не удалось получить).

Принимая во внимание, что книгу эту пришлось писать в самой коммуне, на фронте покорения Биробиджана (когда нужно быть решительным, готовым к борьбе, способным ориентироваться), при недостатке самых минимальных материальных возможностей (писчей бумаги, рабочего места и т.д.), читатель, уверен, простит некоторую неизбежную стилистическую недоработку или текстуальную недосказанность.

Эта небольшая работа – попытка всесторонне описать коммуну, призыв к коммунарам на их боевых позициях. А для трудящихся страны Советов и капиталистической заграницы эта книга – свидетельство того, как еврейские рабочие массы, под руководством компартии и на пути к коммунизму, превращают вчерашнюю дикую тайгу в социалистический рабочий район. Это задача данной книги.

Автор

Глава 1. Предистория

«Станем пионерами»

Это было в апреле 1928 года. Нежная зелень весны расцветила еще заснеженную местами территорию Курасовщинской сельскохозяйственной школы, что недалеко от Минска. Начал порошить снежок, который наполнил курсантов (в основном третьего, выпускного курса) радостным волнением. Они были полны веры и надежд. Обсуждали планы, на каком участке социалистического строительства принести пользу стране Советов. Двадцатого марта, словно эхом на душевные устремления курасовщинских курсантов, откликнулся призыв: Биробиджан!

Лаборатории опустели, курсанты задерживались на переменах, собирались группами и перешептывались: «Товарищ Бейнфест приехал из Биробиджанской экспедиции. Он рассказывает, что Биробиджан пригоден для заселения трудящимися евреями».

«Ребята, надо ехать, – решили 12 крепких, сильных, здоровых парней. – Мы должны помочь еврейскому переселению в новый край, который выбрали партия и советская власть».

И по всей школе, и даже в Минске и Москве было услышано обещание трудящейся молодежи – комсомольцев: «Станем пионерами!»

Трудную борьбу пришлось вести с педсоветом и Народным комиссариатом просвещения Белоруссии. «Учителя и большинство курсантов не верили, что нам хватит смелости и решимости поехать в этот далекий край, – рассказывает один из пионеров «Икора» тов. Вихнин, ныне студент новополтавского сельскохозяйственного института. – Нас пугали тайгой, дикими стихиями, тиграми, медведями, гнусом, стремительными реками,

которые уничтожают все на своем пути и затапливают леса и поля. А мы очень серьезно говорили о том, что человеческие жертвы необходимы, нужны люди, которые проложат путь следующим поколениям. Мы глотали каждую газетную строку, делились впечатлениями».

И вот 18 апреля двенадцать курсантов и двое сельхозрабочих выехали с Курасовщины в Минск. Тем временем стало известно, что Биробиджан закреплен для еврейского переселения, и в здании Минского ОЗЕТа наши пионеры организовались в коммуну. Провели первое собрание, избрали правление, дали коммуне название – «Икор» в честь организации революционных еврейских рабочих Америки, которая поддерживает еврейское переселение в СССР.

Когда 14 коммунаров прошли отборочную комиссию и были признаны годными, парням стало ясно, что в Биробиджане им предстоит тяжелая, ответственная, серьезная работа. Стали собираться в путь. 19 апреля в Минске прошел прощальный вечер, в котором приняли участие рабочие и учащая молодежь. Они разделили с коммунарами этот момент и пожелали им успехов.

В путь

Отъезд в Биробиджан (20 апреля) превратился в демонстрацию минских рабочих. Пролетарские студенты еврейского отделения Белорусского государственного университета не пошли в тот день на занятия и организованно двинулись на вокзал. Там ждали рабочие делегации и два оркестра. С приветственными речами выступили представители партии и КОМЗЕТа. Слышался плач – отцы, матери, дети, жены, братья, сестры провожали своих родных в «страну мошкеры, комаров и белых медведей, откуда, кто знает, вернутся ли они назад». Свисток локомотива, и под звуки оркестра ребята (вместе с

другими переселенцами) отправляются в путь – в далекий Биробиджан.

«Среди переселенцев, – рассказывает один из первых коммунаров тов. Шлейфер, – были разные «типажи». Ремесленники – сапожники, портные, парикмахеры. Люди без профессий и представители «неизвестных» профессий, веселые и грустные, с улыбкой на губах и со странным блеском в глазах. Ремесленники горели от нетерпения, даже в почтовом вагоне разместились целые «мастерские».

Чтобы охарактеризовать часть пассажиров, рассказывают ребята такой эпизод: один «ремесленник», бедняга, погорел на своем деле. Когда на него составляли протокол, спросили, как его зовут. Он ответил: «Мое имя «Лехо-дойди», фамилия – «Ликрас кало», имя отца – «Пней-шабос некабло». Все рассмеялись, и еврей вышел чистым... (*«Лехо-дойди ликрас кало пней-шабос некабло» – «Выйди, друг мой, навстречу невесте, вместе встретим Субботу», строчка из известного субботнего гимна «Лехо-дойди» – прим. ред*). Вот такие персонажи там встречались.

Большинство, однако, были простые труженики, промышленная беднота, рабочие. Во время долгого путешествия коммунары были примером для других. Уже первого мая в вагоне было проведено собрание. Продукты получали организованно и с планомерным расчетом. Организовывали веселые игры, беседы; сыпались анекдоты, байки, шутки. На станции Тюмень пересели в так называемые теплушки, фактически – товарные вагоны, где ездят пассажиры. На всех станциях стояли подолгу, и люди разных «профессий» имели возможность широко рекламировать свои «ремесла».

13 мая, после 22-дневного пути, коммунары прибыли на станцию Тихонькая.

Первая встреча

Когда добрались до места, стояли теплые майские дни. На ровной площадке около станции парни установили палатки и начали изучать окрестности. Произошло «разочарование». Никаких смертоносных насекомых тут не было. Только мелкая мошка, которая немного досаждала по вечерам, напоминала о Биробиджане. Не встретили ребята никаких диких зверей. Чистое круглое солнце, пронизывая прозрачный воздух, играло лучами в небесной синеве. Когда опустились сумерки, кто-то достал гармошку. Парни встали в круг и под переливистые звуки, разносившиеся по сопкам, пустились в «интенсивные» и «экстенсивные» танцы.

Через несколько дней пошел дождь.

Где укрыться? Палатки промокли насквозь, куда деться? «Мы недолго ждали, – рассказывает товарищ Балак, еще один из первых коммунаров, – и обратились в железнодорожный клуб. Но туда нас пускать не хотели. Тогда мы взломали дверь и пожаловали туда «непрошенными» гостями. Через четыре дня, когда дождь прекратился, снова поставили палатки, но уже на другом месте».

Не теряя времени, парни собрали деньги, которые оставались у них еще со стипендии, взяли в ОЗЕТе кредит 200 рублей и приобрели первые кухонные принадлежности. 15 мая провели общее собрание, на котором стоял вопрос об организации работы в коммуне. И сразу же икоровцы вместе с другими переселенцами принялись за ремонт дорог. Некоторые переселенцы не выдерживали такую тяжелую работу. Но коммунары, вместе с большей частью переселенцев и курсантами гомельского педтехникума, оставались на своих постах до конца.

В это же время ОЗЕТ предложил лошадь для хозяйства. Целыми днями парни пропадали на ОЗЕТовской конебазе, подыскивая «помощников» для будущей работы. Но хороших лошадей было так много, что парни пребывали в растерянности, – какая лучше, какую выбрать? Взяли двух лошадей, купили телеги и стали возить песок для насыпи. Другая группа копала канавы и расчищала дорогу Тихонькая – Бирофельд.

Через две недели коммуна перебралась на Бирское опытное поле – это в 60 километрах от Тихонькой. Получили еще трех лошадей, и тягловая сила состояла уже из пяти лошадей. На этот раз парни устроились в бараках, и нашли временное занятие – пилили и подвозили бревна на опытное поле. Неплохо заработали.

Из своего состава коммунары выделили трех парней в качестве инструкторов на земельные участки, отведенные для переселенцев. Один из них поступил учиться на тракториста на специальные курсы в Бирофельде.

Парни заметили, что и у них, и у других переселенцев пропадает много пищевых отходов. Это им не понравилось, и они выдвинули требование: «Мы можем есть бесплатное сало. Двух свиней сюда!». И первые две свиньи появились в большом Биробиджанском районе у коммунаров-икоровцев. Таким образом, благодаря отходам, у ребят появилось сало и мясо. Но и на этом коммунары не остановились. Видят парни, что такая работа не годится, что таким путем не построить образцовую коммуну. Созвали собрание и решили выбрать себе собственный земельный участок. Остановились на так называемом Степном участке в районе Бирофельда, в трех километрах от Бирофельдского опытного поля. Место это приглянулось, во-первых, из-за хорошей почвы, во-вторых, рассчитывали, что оно станет центром переселения.

Двое парней к тому времени отсеялись, на их место вскоре прибыли новый коммунар и две девушки. Таким образом, в коллективе уже было 15 человек. Стали готовиться к строительству дома. Трудным оказалось это дело – покорять биробиджанскую тайгу. Но бревно за бревном доставляли ребята из леса. С каждым часом, с каждым днем все больше. За досками поехали на 22-й километр, в «штаб гнуса», как прозвали это место переселенцы. Для этих целей взяли двух лошадей. Остальные три возили бревна «на заработок». Через некоторое время коммунары смогли нанять местных строителей. ОЗЕТ дал кредиты, и к июлю уже были готовы дом и конюшня. Обе постройки заняли площадь 12X20 квадратных аршинов.

Всего 15 икоровцев – и на все у них хватало рук. Этот корчевал, тот возил бревна, другие возили доски, косили, варили, посадили гектар картофеля, посеяли полтора гектара гречихи и подняли около трех гектаров целины.

Победа далась трудом

Одновременно продолжали косить сено у реки Ушумун, которая впадает в Биру. По хозяйственному плану на 1929 год коммуна получила задание заготовить в срок определенное количество сена. Июль выдался дождливым, заедали комары и мошка, было тяжело выполнить план по заготовке сена. Солнце припекало нещадно, с изнуренных коммунаров пот тек рекой. Грязные болотца служили источником воды. Почти все коммунары (и другие переселенцы) переболели дизентерией. Но никто из них не обращал на это внимание.

О героической преданности работе, которую демонстрировали переселенцы, свидетельствуют многие факты. Например, такой: в один из погожих солнечных дней нужно было закончить стоговать сено. Это было

нелегкой задачей для коммунаров, потому что практически все они были измучены дизентерией, а некоторые были все еще больны. Тов. Рогинский (коммунар) стоял на стоге и от усталости упал в обморок. Полумертвого его принесли домой. Но и это не могло остановить коммунаров – их ждала срочная работа. В это же время разразилась эпидемия сибирской язвы. Десятки лошадей пали у переселенцев, в течение месяца не осталось ни одной. Икоровцы уберегли своих лошадей (они называли их «папами») – вовремя поставили их в конюшню и не выпускали на поля, берегли как зеницу ока. В результате все лошади у коммунаров, несмотря на то что «Икор» находился в центре эпидемии, уцелели.

Интересно, что некоторые коллективы, как, например, «Победа», попытались использовать этот момент и сбежать из Биробиджана, но тут партийная ячейка приказывает: комсомольцы и партийные должны оставаться на местах.

Для молодых героических коммунаров, воодушевленных единственной целью – создавать и строить, начинаются трудности. В этом же году, уже в середине июля, начинаются затяжные проливные дожди; предстоят большие наводнения. Реки Амур и Бира выходят из берегов, сразу же начинает свирепствовать гнус. Коммуне приходится вести борьбу за существование против полчищ оводов, комаров, заедающей мошки и жгучего мокреца. Переселенцы задыхались от дымовых костров, которые помогали разгонять миллиарды насекомых. В помещениях часто невозможно было находиться, люди вынуждены были искать спокойное убежище. Приходилось не спать ночи напролет.

Товарищ Шлейфер рассказывает: «Я держал фасон, забирался в пустой соломенный мешок и завязывал его изнутри, чтобы комары туда не пробрались. При этом было трудно дышать».

Гнус затмил все дороги. Дни стояли пасмурные и жаркие. В таких условиях хорошо живет комарам, а вот людям они житья не дают. В это время поехали двое коммунаров на 18-й километр от Бирофельда (примерно тридцать километров от Тихонькой). От дождя дорога сильно раскисла. С горем пополам добрались до места, нагрузили доски на телеги и повернули назад. Вскоре опустилась ночь – поздно было в кромешной тьме ехать по тайге. Пришлось располагаться на ночевку. В тишине и прохладе темной бездны роились тучи комаров. Парни разложили костер, накормили лошадей и легли на сырую траву. Один из них, более основательный, укутался в шинель, потом в дождевик, обвязался веревкой, не забыл даже голенища сапог обвязать. Второй лег поближе к лошадям... Вдруг – душераздирающий крик. Парень сначала подумал, что дикий зверь набросился на его товарища, и хочет его сожрать. Кинулся спасать. Но нет! Товарищ его лежал на траве и... рыдал. Оба кое-как продержались ночь, бегали туда-сюда. А когда утром подошли к лошадям, увидели, что их туловища сплошь покрыты запекшейся кровью.

Доводилось парням и диких зверей видеть. В районе Бирофельда был случай. Русский крестьянин добывал большого чернолапого медведя – поднимал его из берлоги под деревом. Парни испугались до смерти, отбежали подальше. А крестьянин одним крепким ударом дубинки по голове уложил зверя на месте.

1928-й был годом крупных наводнений, да таких, что даже местные старожилы не могли припомнить. В связи с тем, что Амур и его притоки вышли из берегов, наводнение охватило большую территорию, от Хабаровска до Благовещенска и Зеи, в том числе район Бирофельда, то есть место расположения коммуны. Целые деревни и поля, дороги и леса были смыты с лица земли мощной водной стихией. К счастью, коммуна, во-первых, находилась на

возвышенности, во-вторых, это место с трех сторон было окружено сопками, в-третьих, земельный участок коммуны находился относительно далеко от реки Биры. Но некоторым коммунарам пришлось испытать на себе наводнение. Условия в тайге были крайне тяжелыми. Часть покосов из-за ливней была затоплена. Глинистая дорога в Бирофельд была так размыта, что даже верхом на лошади невозможно было проехать. Переселенцы вынуждены были лежать в бараках и ждать «лучших дней». Это хуже всего влияло на настроение.

Тогда правление, по совету некоторых сотрудников ОЗЕТа, приняло такое решение: поскольку дожди не прекращаются, каждый коммунар может взять двухнедельный отпуск. Коммунары разделились на две группы: сначала одни съездили в Хабаровск, а потом другие побывали во Владивостоке. Вернулись отдохнувшие, с новыми силами. К тому времени трава стояла высокая, густая, и парни энергично взялись косить сено. План был выполнен.

Закончив с сенокосом, стали готовиться к открытию нового дома и постройки для содержания скота. Пригласили переселенцев из всех колхозов, а также КОМЗЕТ и ОЗЕТ. Одного коммунара послали в Тихонькую – закупить продукты и все необходимое. Нелегко было сказать парню: «Поезжай». Шел плотный дождь, небо было затянуто огромными черными тучами. Сопки курились, а это признак того, что дождь зарядил на продолжительное время. Парень долго хмурил лоб, боролся с мыслями: ехать или нет? В конце концов, он решился. Запряг Нину, шустрюю вороную кобылу, быстро пересек глубокое вязкое болото и остановился переночевать на 22-м километре (от Тихонькой).

Воздух в тайге был неподвижен и полон маленьких двукрылых существ. Комары лютовали. Их укусы причиняли сильную боль. Днем Нину невозможно было

узнать – так изменился от мошки и мокреца цвет ее шкуры. Около Тихонькой вода покрыла берега и текла со скоростью 30 километров в час. Мимо проплывали вырванные с корнем деревья, целые постройки и часто даже домашние животные и скот. Паром унесло. Что делать? Нужно было решиться оставить лошадь на берегу, а самому переплыть реку на лодке. В это время подъехали фуры с несколькими работниками ОЗЕТа. Еще четыре дня напрасного ожидания, что Бира войдет в берега и освободит дорогу к Бирофельду. В конце концов, все тронулись в путь. Впереди ехала ОЗЕТовская фура с профессором Кунцем и Робинсоном. Не успели проехать двух километров, как эта фура ушла под воду. «Коммунар должен помочь». Сказано – сделано: парень долго не думает, скидывает одежду и бросается спасать.

А на телеге коммунара находились еще двое – парень с девушкой, которые попросили подвезти их в «Степной». Река кипела и бушевала, и когда коммунарик-оронец, после того как помог попавшим в беду, вернулся на другой берег, он увидел такую картину: телега оторвалась от оглобель и плывет по течению. Эти двое сидят наполовину в воде, и женщина истошно вопит: «Помоги-и-и-те»... Оказалось, что они, видите ли, устали ждать и направили лошадь прямо в воду... Парень вместе с «озетовскими» извозчиками бросился в воду, подхватил телегу вместе с двумя тонущими людьми. Но весь груз – сладости, напитки, вещи, деньги – все смыло в реку... Осталось только несколько бутылок водки, на которых лежала потерявшая сознание женщина. Коммунар стоял возле телеги и сокрушался, бедняга, об одежде, о деньгах. Домой он вернулся в одном исподнем...

И все-таки праздник прошел весело. С подарками и в приподнятом настроении. На торжественном вечере председатель коммуны выступил перед представителями переселенцев, колхозниками и гостями с отчетом о

проделанной работе. Он уже мог показать, что коммунары накосили 15 сотен пудов сена.

И опять пришло время тяжелой работы, полной, однако, радости и энтузиазма. К концу сентября закончили сенокос, отвезли сено и бревна из Тихонькой в Бирофельд (за пуд сена брали 90 копеек). Две девушки выбыли, на работу приняли русскую девушку.

Как уже говорилось выше, из-за сибирской язвы у всех переселенцев кроме коммунаров погибли лошади. Поэтому после того как в Биробиджане установилась ясная осенняя погода, «Икору» пришлось собственными силами осуществлять все перевозки из Тихонькой в бирофельдскую кооперацию. За одну поездку на пяти своих лошадях им удавалось заработать до ста рублей. Потом коммуна по заданию конторы ОЗЕТа занялась заготовкой древесины.

Еще в конце августа 1928 года биробиджанский районный колхозный союз отпустил коммуне 2500 рублей, и коммунары решили купить коров. Но тогда от этой затеи воздержались, потому что все еще свирепствовала сибирская язва. Теперь же задумались об увеличении стада. Покупать коров отправили в Сибирь двух парней. В Ачинске они купили десять буренок, одиннадцатую приобрели у местного русского жителя. В «Икоре» построили коровник с датскими кормушками и т.п. Когда доставили первую партию коров, все уже было готово. Коровник содержали в таком порядке, что старожилы, проезжая мимо, непременно останавливались и рассматривали его. "Вот чему нам надо поучиться у детей", – удивлялись крестьяне.

Молоко от первых коров парни сдавали в бирофельдскую кооперацию.

Вскоре появились в «Икоре» еще две лошади, их общее количество составило уже семь голов.

Наступила зима. Выдалась она малоснежной и намеченные лесозаготовительные работы шли очень медленно. Тем не менее, удалось заготовить и вывезти 250 бревен. Морозы стояли суровые, температура часто достигала минус 45 градусов. Приехавшие из Белоруссии коммунары были непривычны к такому холоду. Обморожение щек, носа, ушей, рук, ног было частым явлением. Но молодые здоровые парни привыкли и к обжигающему сухому морозу, и к мощным вихрям дальневосточных тайфунов.

18 марта 1929 года ОЗЕТ предложил коммуне перебраться на другое место – Дежневское опытное поле (в 9 километрах от станции Волочаевка и 40 километрах от Хабаровска). Во времена царизма на этом месте находился так называемый племенной рассадник, который в 1915 году превратился в ферму, где содержались лошади, коровы, свиньи. Животных выращивали для военных нужд, под генеральским сапогом работало несколько десятков батраков. Во время Гражданской войны в Волочаевке шли бои между красными партизанами и империалистами. Это место было центром русского переселения.

Без энтузиазма восприняли икоровцы это предложение. Хозяйство в «Степном», в строительство которого было вложено столько сил, было дорого коммунарам. И все же они направили двух парней, чтобы те осмотрели новое место. Участок им понравился. Земля здесь была хорошая. Километрах в пяти отсюда текла река Тунгуска, богатая рыбой. В 25 километрах от этого места сверкал своими водами и отражал в них высокие берега Амур. На заброшенном опытном поле (где как напоминание о научных наблюдениях остался флюгер, который показывал направление ветра), увидели парни два дома, конюшню, коровник, свинарник, склад, постройку для содержания птицы и баню.

На новой земле

В конце апреля затеяли переезд на новое место. К этому времени коммуна подвела результаты работы в 1928 году. В хозяйстве имелось 11 коров, 7 лошадей, 2 теленка и... один петух (его купили в селе Бабстово). Поступило сельскохозяйственное оборудование (бороны, плуги и т.д.). Сумма кредитов, на которые было построено хозяйство, достигала 40 тысяч рублей. Дефицит составил две тысячи рублей.

После 20 мая коммуна продала ОЗЕТу дом и хозяйственную постройку в «Степном». На вырученные деньги и новый кредит решили купить коров. Для этой цели послали в Сибирь двух парней. Они купили 22 коровы и оборудование для переработки молока. Увеличилось и поголовье лошадей – теперь их стало девять.

В это же время коммуна отправила одного коммунара в Белоруссию для вербовки людей – готовились к большой работе. Однако на новом месте коммуна столкнулась с новыми трудностями. Нужно было исследовать почву, изучить климат и даже людей. Коренное русское население с недоверием смотрело на худеньких еврейских пареньков, которые хотели в дикой тайге сделать то, что даже опытным местным крестьянам давалось с большим трудом. Некоторые смеялись, утверждая: «Продержитесь несколько дней и сбежите». Коммунары отвечали на это с улыбкой: «Увидите позже». И так и было.

Но в целом коммунаров приняли хорошо, дружелюбно.

Первая посевная кампания на территории дежневского опытного поля прошла, мягко говоря, не блестяще. Не изучив землю, посеяли на ней культуры,

которые не следовало сеять. Пахали и косили в тех местах, которые потом пришлось бросить.

Площадь территории, которую занимал «Икор», составляла 2400 га. Прежде чем коммунары прибыли на это место, им было сказано, что 25 гектаров земли там уже вспахано. На деле же икоровцы обнаружили там лишь около 15 гектаров заболоченной земли. Пришлось корчевать релку – 9 гектаров. Корчевали голыми руками. В то время в коммуне уже был маленьким трактор «Клетрак», выделенный ОЗЕТОм. На опытном поле находилось несколько машин: сеялка, плуги, триер, сортировочная машина, молотилка, дисковые бороны и т.д. Все это использовали в работе. На 15 гектарах более сухой земли посеяли пшеницу, овес, посадили картофель (9 га), 4 га огородных культур (огурцы, помидоры, морковь, свеклу, редис). Не зная местных условий, коммунары поздно выехали на покос, и здесь, так же, как и в «Степном», сено затопило во время разлива реки Тунгуски. И все-таки удалось собрать 3000 пудов сена. Часть остальных посевов тоже пропала из-за незнания свойств почвы и климатических условий.

Но ребята не отчаивались. Настроение было приподнятое. Удалось заложить хорошее стадо коров, так что к концу 1929 года коммуна могла уже не только покрыть выявленный в «Степном» дефицит, но даже получить прибыль в 2500 рублей от сенокоса.

Поздней осенью приехали еще 5 курасовщинских товарищей. Через пару недель – еще несколько человек, среди них – девушки, которые в работе не отставали от парней. Численность коммунаров достигла 25 человек.

Чуть ранее получили икоровцы переселенческие кредиты в сумме 6000 рублей. Послали четырех парней в Сибирь, откуда те привезли 4 вагона коров молочной породы. Устанавливается связь с городом Хабаровском. «Парни доили коров, ухаживали за каждой буренкой, как

мать за ребенком, – рассказывает тов. Вихнин. – Каждый коммунар чувствовал своим долгом ежедневно заходить в коровник, проверять, как выглядят буренки, какая из них дала сегодня больше молока, а какая – меньше, и почему». Таким образом, парни выяснили, какой уход нужен той или иной корове, и как получить больший надой.

Также коммунары завели молодых свиноматок породы йоркшир, которые позже принесли здоровый приплод – несколько десятков поросят. Молочные продукты парни сдавали в районный колхозный совет, который взамен присылал концентрированные продукты.

В это же время, осенью, коммунары попробовали заложить сад – на гектаре земли в течение пяти дней посадили 75 яблонь, 50 саженцев груши, 50 саженцев сливы, 15 саженцев вишни, кусты малины, смородины и т.д. Результаты были положительные.

Позже правление решило объединиться с русской артелью, чтобы вместе ловить кету в Тунгуске. Ребята, которые были совсем не знакомы с этим промыслом, с большой заинтересованностью хотели как можно быстрее ему обучиться. 12 икоровцев показали себя неплохими рыбаками. Улова хватило только для коммуны, потому что вскоре пришлось парней отозвать для сбора урожая.

Коммунары также работали в тайге, возили лес. Но так как зима была малоснежная, заработать удалось мало.

В это же время отметили икоровцы первую коммунарскую красную свадьбу, доказав всем, что приехали они сюда не на время, а навсегда, чтобы построить здесь большое хозяйство. Первой семье подарили сто рублей – на обустройство их комнаты.

Вот с таким «багажом» коммуна «Икор» вступила в 1930 год.

Глава 2. Коммуна сегодня

Развернутым фронтом

В 1930 году в «Икоре» происходит перелом. Из небольшого коллектива, мало знакомого с жизнью дальневосточной глубинки, коммуна становится примером для окружающих деревень. С коммунарами считаются, начинают с вниманием относиться к молодым еврейским труженикам, часть которых еще вчера принадлежала миру штетла.

Как это произошло?

Нелегко, тяжким трудом добились коммунары признания. Ни на минуту не забывали они о той ответственности, которая лежит на них как на пионерах еврейского заселения дальневосточной окраины советской страны.

Настоящий героизм, может быть, мало заметный в повседневной жизни, продемонстрировали коммунары в борьбе с природой. Часто отказывали себе в самом необходимом, голодали, но работу свою выполняли. Приходилось бороться со скептиками и доказывать фактами, что в Биробиджане может быть построена крепкая молодежная коммуна.

К Амуру за сеном

Наступило лето. Первый вопрос: где взять сено для коров? В 1929 году, как уже говорилось, коммунары накосили 3000 пудов сена.

– Сено мы косили в течение двух недель в радиусе километра вокруг икоровской усадьбы, – рассказывает товарищ Зубер, старый активист коммуны. – Работало пять парней, но сена было мало, потому что уже тогда у нас

было большое стадо коров и табун лошадей. Пришлось докупить у крестьян еще 5000 пудов сена.

Но это был не выход из положения. В июне 1929 года семерых коммунаров и двух лошадей перебросили на другой берег Тунгуски. Двое парней на лодке обследовали берег, выбрали хорошее место для покоса площадью 50 гектаров. Первые дни сенокоса погода стояла хорошая, Тунгуска текла спокойно в своем лоне. Беды были только от комаров. Пока люди работали, было еще терпимо, но посидеть отдохнуть комары не давали. Некоторые коммунары из-за этого не спали ночи напролет. Позже начались дожди. Они загнали коммунаров в шалаши, которые ребята построили у Тунгуски. Вдруг – паника: «Ребята, река разливается!». Происходило это стремительно. Вода прибывала с каждым часом. Мгновение ока – и Тунгуска была уже у шалашей. Пришлось принимать срочные меры, чтобы перебросить на другой берег лошадей, инвентарь, эвакуировать самих коммунаров. Река превратилась в море. Все сено (3000 пудов) пропало. «Уже по осени, когда мы снова переправились по Тунгуске на это же место, мы его не узнали, – рассказывает товарищ Зубер. – Кое-где лежали маленькие кучки сена – все, что осталось от нашей работы».

В 1930 году коммунары, умудренные опытом, начали сенокос на Тунгуске гораздо раньше, чем в 1929-м. Успели накосить, заскирдовать и организованно вывезти в срок 3000 пудов сена.

Но бороться с капризами природы было нецелесообразно.

«Нужно искать другое место для сенокоса», – решили икоровцы. Это был июль 1930 года. Дни стояли жаркие, вечера тихие. Коммунары запрягли лошадей, нагрузили на телеги машины, взяли с собой продукты и отправились в село Самарку (21 верста от «Икора»), к

Амуру. Рядом с песчаным берегом парни поставили шалаши, разложили комарники. Заприметили островок, обследовали его. Островок был 12 км в длину и 2 км в ширину, хорошей травы здесь было вволю. Быстрыми темпами начали косить. Но сначала попытались тут «обустроиться». Из жердей и зеленого сена соорудили шалаш. Вставили треугольную дверь. Внутри выкопали в земле яму, обложили ее по краям сырой травой и сделали своего рода «плиту» для варки. Кипятили на ней чай, готовили суп, мясо и т.д. «Вставать приходилось в два–три часа ночи, – рассказывает товарищ Сельский, молодой коммунар. – Брали грабли, косы и принимались за работу. В 12 часов был обед. В солнцепек тоже «работали» – занимались полезными делами: кто читал, кто ловил рыбу. Другие учились с помощью длинных веревок плавать».

Отдельно стоит сказать про комаров. Они были повсюду – в чашках, мисках, ведрах, даже в ложках. Иной раз ребята пили чай вприкуску с комарами вместо сахара. Комары заедали днем и ночью. Коммунары могут порассказать вам немало «комариных историй». Коммунар Вендеров рассказывает, как однажды из-за комаров чуть не сгорело несколько парней. Как уже говорилось, спасались от гнуса с помощью комарников. А чтобы уничтожить залетевших туда комаров, обкуривали их дымом. И вот двое парней разложили дымовой костер и начали обкуривать комарник, а сами ушли куда-то. Возвращаются – а комарник горит, все их вещи, которые были внутри, тоже сгорели.

В таких условиях работали парни. Накосили 17000 пудов сена. Когда 1 января 1931 года составили баланс за одиннадцать месяцев (с 1 февраля 1930 года до 1 января 1931-го), расходы составили 5736 рублей 67 копеек, доходы – 6350 рублей. Таким образом, заработали на сенокосе 613 рублей 33 копейки.

Коровушки – любимицы

Основным направлением деятельности коммуны является скотоводство. В двух больших коровниках разместилось стадо «сибирячек» и симменталок. Окружающее население удивляется тому, как удалось коммунарам в существующих условиях организовать молочное хозяйство.

Нелегким было начало. Пастбище – болотистое, трава плохая, луга далеко – в 25 верстах, проблема с водой. И коммунары приступили к осушению болот, решению вопроса с доставкой воды для коров, начали заготовку сена.

Стадо росло. Если в 1928 году была одна единственная корова, то в 1929-м уже 20 коров и два бугая. В 1930 году – 64 коровы, 2 бугая и 12 телят. В апреле 1931-го коров насчитывалось уже 83, а к концу этого года рассчитывает коммуна иметь 120 коров и три бугая. В стаде наряду с 30-пудовыми «великаншами» есть 14-пудовые «лилипутки». Продуктивность стада была в целом хорошая. В 1930 году каждая корова дала в среднем 2130 литров молока.

За коровами ухаживают скотники, к этой работе привлекли лучших коммунаров. Дважды в сутки коров кормят концентратами – макухой, отрубями, и трижды – сеном. Приходится также оказывать первую ветеринарную помощь заболевшим буренкам, ну и, конечно, чистить коровники.

Вот как характеризует своего товарища, скотника по имени Янкель, тов. Пресман (опубликовано в № 3 газеты «Биробиджанер штерн»):

«Кто такой Янкель?»

С друзьями-коммунарами любит он побалагурить, такими шутками сыплет, что все со смеху покатываются. Ведут, к примеру, ребята серьезную беседу или

распаляются в споре, – стоит появиться Янкелю, и разговор тут же принимает шутливый характер.

Но кто видел Янкеля за работой в коровнике, тот его не узнает. Тут он – сама серьезность. С вами он слова лишнего не вымолвит. Здесь он общается только с коровами, и коровы понимают его с полуслова.

И он их понимает, как никто другой. Посмотрит на стельную корову, и сразу может сказать, кто у нее родится – телочка или бычок. Почти безошибочно может определить, сколько корова даст сегодня молока. Янкель любит иногда прихвастнуть, что из любой коровы он может «сделать человека». «Вот, например, Слава – совсем еще молодая корова, буквально недавно первый раз отелилась, а уже дает 20 литров молока в день», – рассказывает Янкель.

– Мое, мое воспитание! – кричит он.

Плохую корову Янкель ненавидит всем сердцем. С такой Янкель разговаривает на особом языке. «Туберкулезница! – говорит он ей. – Спроси себя, почему я тебе сегодня дам на одну миску жмыха меньше». «А тебе, падла, – обращается он ко второй, – я вообще дам полмиски, потому как молока с тебя – ни капли».

Но вот уже пару дней Янкель ходит грустный, обеспокоенный. Шутка ли! Стал он кормить коров – все жуют старательно, да еще и мордами в соседние кормушки норовят залезть, а одна буренка посмотрела на него своими печальными глазами и от еды отвернулась. Не ест ничего! Заболела она! Не знает Янкель, что и подумать. Прежде был такой веселый, бодрый, а тут – сник совсем парень. Шутка ли! – у него корова заболела.

Ночью Янкелю не спится. Ворочается с боку на бок, места себе не находит. Своего ветеринара в коммуне нет. Более опытные ребята тоже не знают, что случилось с коровой. А пока привезут ветеринара, пройдет день, два, три... Янкель встает с кровати, одевается и идет в

коровник. Долго осматривает бедолагу, прощупывает ей бока, живот, вымя и отходит опечаленный – так и не понял, почему заболела корова.

Приносит ей соломы, подстилат. Ее соседку отводит в сторонку, чтоб не беспокоила хворую буренку. Подставляет ей миску отрубей – может, позже она захочет поест. Затем возвращается и ложится спать. И как только Янкель засыпает, снится ему стук колес. Выбегает он навстречу и видит, как подъезжает бричка, а в ней – лысый ветеринар из района. Вот он надевает белый фартук, закатывает рукава, долго возится с коровой, а потом успокаивает Янкеля:

– Скоро поправится твоя дуреха.

И вот уже ветеринар уехал, и корова начинает уминать корм с таким аппетитом, какой бывает обычно у выздоравливающих. Янкель стоит возле нее и пританцовывает от радости...

Янкель просыпается и понимает, что это был всего лишь сон. Вздыхает и снова ложится спать с тяжелым чувством».

Вот на таких Янкелях и Лейбах держится коммуна Икор!

Пастбищный период икоровцы делят на три части:

1. С 15 мая по 15 июля. Основной корм – трава, в это время она молодая, сочная, обильная. Добавляют небольшое количество концентрированного корма.

2. С 15 июля по 1 сентября (период гнуса). Скот в это время оставляют в коровнике, кормят зеленой травой и концентрированным кормом.

3. С 1 сентября по 15 октября (осенний период). Скот кормят грубыми кормами, реже – травой. Сено коммунары готовят на амурских островах, концентраты получают по линии кооперации.

Когда бывает гость в «Икоре», коммунары, прежде всего, демонстрируют ему двух быков – чистокровных голландцев. Однако обоим быкам, беднягам, приходится «терпеть лишения»: в смысле кормежки и ухода они находятся в гораздо менее выгодных условиях, чем их подружки.

Затем гостю показывают коровники: теплые, светлые, с хорошей вентиляцией (четыре раза в сутки коровники чистят). Работа в коровниках строго нормирована и строго распределена между скотниками. За каждым скотником закреплено по 15 коров. Ответственность за каждый коровник (в норме рассчитанный на 40 голов) несет бригадир.

Ведутся книги учета, в которые записываются даты спаривания и отела. Также существует книга учета надоев, куда заносят показатели, сколько молока дает та или иная корова.

В зимний период от лучшей коровы получают пять литров молока за одно доение (15 литров в сутки). Молоко замораживают в ведрах и отправляют в Хабаровск по тысяче литров. В молочной лаборатории, которой руководит коммунары, есть сепаратор, с помощью которого получают сливки и обрат. В зимний период из сливок делают масло.

В летний период все молоко сепарируют. Сметану отправляют в Хабаровск, а из обрат делают творог. Сыр в коммуне пока не производят – нет необходимого оборудования. Творог производят таким способом: обрат заливают в деревянные бочонки. Если температура в лаборатории высокая, постепенно происходит заквашивание и получается творог. Но если в лаборатории прохладно, то в бочонки с обратом помещают бидончики с горячей водой.

В молочной лаборатории «Икора» имеется центрифуга для анализа плотности молока, есть литровки,

поллитровки, измерители молока, пергаментная бумага – словом, все, что необходимо для лаборатории. Но оборудования все-таки не хватает, нет современных аппаратов для переработки молока.

В 1930 году в коммуне работало 5 доярок (плюс одна на подмену). Среди доярок есть девушки, которые до приезда в коммуну коров в глаза не видели. Товарищ Доба Герман – высокая розовощекая девушка с интеллигентным лицом – рассказывает: «Когда я впервые вошла в коровник, меня охватила дрожь, мне казалось, что коровы растопчут меня, забодают. Первое время я обслуживала трех коров, затем стала выполнять норму, обслуживать десять коров».

Всю молочную продукцию коммунары сдают в хабаровскую рабочую кооперацию. Часть продукции оставляют для собственного потребления. В 1931 году сдали 120 тысяч литров молока. Коммунары, однако, планируют повысить эти показатели до 180 тысяч литров.

Баланс 1930 года показал, что расходы на содержание скота составили 55738 рублей 40 копеек, доходы – 63759 рублей 10 копеек, чистая прибыль составила 8020 рублей 70 копеек. От хабаровской кооперации за молоко, сметану, масло и творог получили 12348 рублей 68 копеек.

Свиноводство

Занимаются в коммуне и разведением свиней. Некоторые коммунары – выпускники Курасовщинского училища – знакомы с этой работой. Большинство ребят, однако, раньше и понятия не имело, что такое свинья.

Рассказывает товарищ Яшка Рубин, переселенец из Саратова, сейчас – специалист по свиноводству: «Я приехал сюда 17 марта 1930 года. До этого крестьянским трудом не занимался. В коммуне первое, на что обратил

внимание, – это свиньи и коровы. Сначала я был занят на разных хозяйственных работах. Затем мне поручили ухаживать за свиньями. Мне – за свиньями? Несмотря на то, что мой друг проинструктировал меня о новых обязанностях, я всю ночь не спал и думал только об одном: как подойти к свинье... На следующий день встал с утра пораньше, пошел в свинарник. Сразу же пролил половину поила – по той простой причине, что свинья стала ко мне приближаться, и я испугался, что она сейчас, не дай бог, откусит мне руку или ногу. Потом, когда нужно было почистить стойло, должен признаться, у меня душа в пятки ушла – ведь для этого нужно было туда войти! Первое время работал – через колено себя ломал: все мне казалось, что свинья меня хватанет, укусит, убьет. Ночью мне все время снились свиньи. В темноте моя фантазия рисовала свиней, говорила про свиней, думала о свиньях. Словом, – свиньи, свиньи, свиньи...»

Но и к этой работе парни привыкли. Как уже говорилось, в 1928 году у коммунаров было 2 свиньи, в 1930-м – уже 15 месячных поросят, две свиноматки и кабан. Позже одна свиноматка принесла 6 поросят, а вторая 11, но выжило только 6 поросят (по вине дежурного). В январе 1931 года, благодаря приплоду, в коммуне было уже 35 свиней.

Недостаточно хороший уход за лошадьми

Как уже говорилось, коммунары называют своих лошадей «папами». К моменту переезда на опытное поле их было у коммуны девять штук. Вскоре одну продали. В январе 1930 года в Сибири приобрели двух кобыл, одну из них с жеребенком. В июле этого же года закупили в валдгеймском колхозе 2 лошадей, осенью – еще четырех. Одну лошадь купили у русского крестьянина, живущего по соседству. Сейчас общее поголовье лошадей в «Икоре»

составляет 18 голов, из них 6 кобыл, 1 жеребенок, остальные – жеребцы. Коммунары ждут еще 8 лошадей, которые крайне необходимы для разросшегося хозяйства. Несколько обещает Покровский молочно-огородный совхоз, который помогает молодой коммуне, чем только может.

Кормят лошадей сеном, отрубями, овсом, который смешивают с водой и резаной соломой (в коммуне есть солomорезка). Рацион лошадей состоит из 25 фунтов сена, 5-6 фунтов отрубей, такого же количества овса и соломы. Коммунары пытаются обеспечить надлежащий уход за лошадьми, но все-таки часто случается – то лошадь заболит, то вывихнет ногу. А еще есть факты избиения лошадей.

В 1930 году произошла такая история: скотник подошел к кобыле и хотел ее запрячь. Кобыла вскинулась, лягнула скотника в лицо, никого к себе не подпускала. Что же случилось? Когда кобылу осторожно осмотрели, обнаружили у нее на животе глубокие раны – след от удара железными граблями. «Это его работа!» – решили парни.

Когда коммунары узнали об этом случае, то не могли виновнику – Мойше – смотреть в глаза. В полном одиночестве он сидел у себя в комнате, опустив голову, и молчал.

– Виновен!

Вечером правление провело специальное заседание. Обсуждали дело Мойше. С речью выступил председатель, который сказал, что это преступление – настоящее вредительство.

– Расскажи, как это с тобой случилось?

Виновник кое-как произнес:

– Ну-у... Это случилось... Нечаянно...

Парни не могли больше сдерживаться:

– Что значит «нечаянно»?

Один вспомнил, что с Мойше уже была подобная история: когда он гнал стадо на пастбище, он так огрел корову по лбу, что та потом еще неделю хромала.

Пастух говорит, что когда накричал на Мойше за то, что он бьет животных, тот ответил:

– Тебе-то что? Это твое?

Тут уж не выдержал всегда серьезный и молчаливый секретарь ячейки. Все разом стихли. Он указал, что Мойше еще не изжил мещанское частно-собственническое настроение, что он не рос вместе с коммуной, и – кто знает – сможет ли?

Раздались крики: «Он вредитель, вредитель!».

Вынесли Мойше предупреждение. Когда заседание закончилось, каждый коммунар прошел мимо Мойше и посмотрел ему в глаза...

Тяговая сила в коммуне невелика. Часто (иногда по несколько раз в день) приходится отвозить коммунаров, переселенцев, гостей со станции Волочаевка (9 км). Нередко приходится ездить на телеге в соседнюю украинскую коммуны (4 км), или за пиломатериалами на николаевский лесозавод (14 км), или вообще в Покровку (30 км). В Николаевке находится ветврач, который оказывает помощь больным лошадям, часто бывает в коммуне.

Как уже говорилось, сибирская язва нанесла большой урон поголовью лошадей на Дальнем Востоке. «Но у коммунаров летом 1928 года заболела всего одна лошадь, ей стали прикладывать холодную воду к горлу и животу, – рассказывает специалист по лошадям тов. Беркович, сейчас завхоз, – и она выздоровела».

Закинули невод в Тунгуску

В июле 1930 года правление коммуны решило организовать рыболовецкий пункт. Для этой цели

приобрели сети, подготовили фляги, соль и все остальное, что необходимо для ловли рыбы. Пятого августа пятеро коммунаров выехали на место, к реке Тунгуске, в семи верстах от коммуны. Они очистили косу, построили шалаш, приготовили площадки для засолки рыбы, дрова на весь период рыбалки. 10 августа прибыли еще 6 человек, и рыболовецкая бригада состояла уже из одиннадцати человек. 11 августа выехали на рыбалку. Поначалу работа шла с трудом, потому что большинству парней впервые в жизни довелось заниматься ловлей рыбы. Но уже через несколько дней молодые коммунары работали, как опытные рыбаки. А работать приходилось по 18 часов в сутки – ход рыбы был такой интенсивный, что пропустить его было просто нельзя. Ловили почти исключительно кету. Другую рыбу брали редко. Даже биробиджанские дожди не могли помешать работе – дел было невпроворот.

В 15 метрах от реки, в шалаше, находилась «кухня» – две жерди, вкопанные в землю, держали штангу, на которую вешали ведра. Под ними разводили огонь – так готовили еду. Тут же был стол, лавочки. Кроме того коммунары построили склад. Это был большой шалаш, покрытый двумя слоями сена. Там хранили улов.

Вставать приходилось в 2-3 часа ночи, когда был наиболее активный ход рыбы. Несмотря на кромешную тьму, шли к реке с песнями. «Сеть была такая тяжелая, что пока парни ее тянули, часто падали на мокром песке, разбивали носы, – рассказывает товарищ Иголь, один из молодых рыбаков. – Пойманную кету бросали в лодку и двигались дальше. Над рекой разносилось пение – один затянет «Дуньку» и все подхватывают. Возвращались с полной лодкой рыбы, разводили костер, сушились, надевали сапоги и бежали ужинать».

Отдыхали пару часов. В это время слышался крик: «Заюливай!» – это рыбаки соседней украинской коммуны «Тихоокеанский Октябрь» забрасывали свою сеть. Чтобы

не терять драгоценного времени, коммуны договорились работать по вахтам – пока одна бригада работает, вторая отдыхает, и наоборот. Благодаря такому распределению труда удавалось достичь максимального результата. Икоровцы в течение трех недель добыли 600 пудов кеты и 35 пудов икры. Все предприятие обошлось в 2761 руб. 59 коп. С продажи выручили 3094 рубля 98 копеек. Таким образом, заработали 333 рубля 39 копеек.

Товарищ Шер из рыболовецкой бригады «Икора», рассказывает: «Работали очень напряженно. Не было времени даже умыться. Рыбы было много. От радости парни шутили – тянули друг друга в воду, хватали нашу собаку и тащили ее в реку... Вечером можно было заметить огоньки на реке – это шли из Хабаровска в Архангеловку и дальше пароходы, парусные суда, баржи. Мы, как армейцы, выстраивались на берегу и тепло их приветствовали».

Когда Тунгуска начала разливаться и вода дошла до шалаша, коммунары погрузили на лодки фляги с кетой и отправились домой. Приходилось прокладывать путь между плывущими бревнами, изгородью. Последние два-три дня перевозили рыбу домой, а еще раньше развели на берегу большой костер и сожгли все, что было не нужно.

Таким образом, первая «рыболовецкая» попытка коммуны «Икор» увенчалась большим успехом. Часть улова и икры передали в биробиджанскую районную кооперацию в Тихонькой, а часть оставили для себя. В 1931 году коммуна рассчитывает использовать для рыбалки уже две сети.

Огородничество

В первый год существования коммуны икоровцы разбили на площади в один гектар огород, где посадили для собственного потребления капусту, огурцы, помидоры,

свеклу и морковь. Коммунары еще не были тогда знакомы с дальневосточным климатом. Большинство из них приехали сюда из Белоруссии, поэтому огород засеяли так, как это делают в Белоруссии – на ровной поверхности, не выкопав предварительно канав. Но на Дальнем Востоке выпадает столько осадков, что верхние слои почвы переувлажняются, и дренажные канавы просто необходимы.

В тот год лето выдалось сухое, требовался обильный полив. Тем не менее капуста принялась хорошо, огурцы проклюнулись и выпустили листочки.

«До конца июня дождей не было, мы думали, что будет засуха, – рассказывает тов. Горелик, старый коммунар, он состоял еще в белорусской коммуне. – Но вдруг небо затянулось тучами, и полил дождь, который продолжался целый день. Все наши огородные посадки сразу позеленели».

Однако дожди в Биробиджане затяжные. Через пару часов снова зарядил дождь. Огород буквально заливало, а дождь и не думал останавливаться. И так как заранее не были выкопаны канавы между рядками капусты, огурцов, помидоров, все пропало за исключением части огурцов, которые росли на более высоком месте.

Но такие «сюрпризы» природы не могли повлиять на настроение коммунаров. Они учли ошибки, которые совершили из-за незнания местных климатических условий. В 1930 году засеяли огород площадью в три гектара. Из них 2 га было предусмотрено под капусту, а один – под разные огородные культуры: огурцы, лук, чеснок, свеклу, помидоры, редис.

Икоровцы уже знали, что если они хотят получить хороший урожай, сеять нужно ранней весной. Для этой цели заложили три парника, в которых посеяли помидоры и капусту. Помидоры дали стопроцентную всхожесть, а рассады капусты из-за плохих семян было слишком мало

для намеченной под посадки площади. Несмотря на то, что был уже май месяц, коммунары получили новые семена и посеяли их в рассаднике. Помидоры распикировали и посадили в рассадник. Дни стояли теплые, приходилось часто (через день, а то и каждый день) поливать огород – или рано утром, до того как солнце начнет припекать, или вечером, после захода солнца.

Чтобы работа на огороде шла интенсивнее, организовали специальную огородную бригаду с ответственным бригадиром.

Людей не хватало. Выполнить план посевной очень помогла ученическая бригада хабаровской девятилетней школы им. тов. Ленина – 28 школьников добровольно приехали, ударно работали вместе с коммунарами.

Первоочередная задача была – посадить капусту, так как нужно было время, чтобы она выросла. 35 парней (7 коммунаров и 28 школьников) распределили работу. Одни вынимали рассаду из рассадника, другие высаживали ее в грунт. Когда начался дождь (а в такую погоду хорошо высаживать рассаду), парни обрадовались, и в течение 4 дней посадили 30 тысяч кустов капусты и 10 тысяч кустов помидоров. К 1 июля все было готово.

До августа дождей было мало. «Все растения повяли, мы с нетерпением ждали дождей, – рассказывает тов. Горелик. – Воздух был горячий, а земля так накалена, что невозможно было ходить босиком. Только частый полив спас растения. Наконец начались дожди. Все ожило. Огурцы начали цвести, образовалась завязь. Пололи вручную и мотыгами».

В августе 1930 года начались частые дожди, почва переувлажнилась, погода стояла прохладная. Все это влияло на огурцы, которые посадили на глинистой почве, они перестали расти, то же происходило с другими культурами.

Но с помощью агрономов, присланных ОЗЕТОм, молодые огородники всему научились. Им стало понятно, что хорошего урожая не добиться на глинистой почве – огород нужно разбить на песчаном грунте, который хорошо пропускает воду и воздух. Часть помидоров, свеклы и вся морковь все-таки дали хороший урожай, так как эти культуры посадили на песчаной почве.

Таким образом, в 1930 году огород почти не принес прибыли. Интересно, что попытка выращивать арбузы удалась. Теперь, два года спустя, икоровцы хорошо понимают, как и какую почву они могут использовать. «Глинистая почва требует хорошей обработки, но в период дождей и хорошая обработка не помогает», – объясняют коммунары. Чтобы получать хороший урожай, они установили 100 парниковых рам.

Посевная кампания

К посевной кампании коммуна всегда готовится серьезно. Опытные коммунары понимают, что от успешных результатов посевной зависит все хозяйство. В 1931 году по инициативе комсомольской ячейки в коммуне была организована «тройка» для подготовки к посевной. В начале апреля заложили четыре парника. Подготовили необходимые семена – огурцов, чеснока, лука, свеклы, редиса и т.д. Огород в этом году займет площадь в 12 гектаров. Были также подготовлены фруктовые деревья для сада (полгектара). Работа ведется под руководством агронома-садовода (окончил Тимирязевский техникум в Москве) и садовода-практика (китаец, который отлично знаком с почвенными и климатическими условиями Дальнего Востока). Кроме того, тройка осуществила ремонт сельскохозяйственных машин, тракторов. Тракторы ремонтируют неподалеку, в соседней коммуне,

остальная техника ремонтируется в новой кузне, где работает два человека.

На строительном фронте

Строительная работа в коммуне началась фактически только в 1930 году. Ранее использовали икоровцы уже существующие помещения, которые остались на опытном поле. С прибытием новых людей и расширением хозяйства стройконтора Биробиджанского района взялась за строительство нового 12-квартирного дома (четыре комнаты на два человека, 4 комнаты на 4 человека, 4 комнаты на шесть человек). Из них две комнаты (на шесть человек) объединили в клуб. Работу выполнили 8 строителей. С самого начала возникли трудности – не хватало древесины, стекла, квалифицированных строителей. Были даже вредители, которые сознательно мешали работе, бывший десятник, колчаковец. Но постепенно все трудности были преодолены. Стекло получили от молочно-огородного совхоза в Покровке. Группа строителей показала себя ударниками и вызвала на соревнование оставшихся пятерых рабочих. Работали часто по 12–14 часов в сутки, без выходных, сами стеклили окна – пока дом не был готов. Кроме того, в этом году был проведен ремонт конюшни, коровника. В связи с наступающей зимой отремонтировали сани. Конкретнее о трудностях. «Коммуна была не готова к перевозке строительных материалов, – рассказывает тов. Подгорный, первостроитель «Икора», – а нам приходилось покупать по несколько бревен у местных крестьян. Крестьяне дорого просили за древесину, а у коммунаров, кроме масла, ничего не было. Умасливали крестьян, получали бревна... Чтобы сделать печи, привлекли случайных людей. Они нас ободрали как липку. Зимой не хватало спецодежды, не

было рукавиц, валенок. И строители отказались работать. Однако к этому времени подоспели 10 еврейских строителей, только что окончивших курсы строителей в колхозе Валдгейм. В 45-градусный мороз они отправились в лес рубить деревья, готовить материалы. Провели воскресник, установили в клубе скамейки».

Позже новые строители принялись за строительство пекарни (помещение некоторое время из-за нехватки жилья занимали переселенцы) и сдали ее через месяц. К 7 ноября – годовщине революции – построили сцену, а также начали строительство телятника, который был потом переделан в свинарник. Затем начали строить ледник и кузню, заложили фундамент нового дома. Он должен был быть таким же, как первый 12-квартирный дом, но вмещались строители, внесли изменения в план. Они предложили правлению коммуны и биробиджанской строительной конторе в рамках той же сметы увеличить общежитие на 2 квартиры. Таким образом, строители уменьшили себестоимость 12-квартирного дома на 23 процента.

За последнее время коммуна провела 2 воскресника, во время которых вывозила на лошадях пиломатериалы с николаевского лесозавода (расположен в 14 км от коммуны). Учитывая транспортные проблемы, которые существуют сегодня на Дальнем Востоке, эта работа потребовала немало героизма. В качестве иллюстрации приведу пример.

Зима. Плотные предрассветные сумерки. Пять часов утра. На твердых лежаках, среди беспорядочно разбросанной одежды, сладко храпят после трудного дня коммунары. Один только ночной сторож бодрствует, да его верный друг пес наострил уши и выслеживает когото, выделявая на сухом снегу акробатические трюки. Вдруг:

– Бам, бам, бам.

Что случилось? Сторож напряженно вглядывается в темноту. Ружье в руках, палец на курке.

– Кто идет?

В ответ тишина.

Снова те же звуки. Надо будить ребят.

Вдалеке мерцает маленький цветной огонек. Все ближе и больше. Сторож уже знает, в чем дело. Он вспомнил, что вчера сообщили со станции: грузовой состав остановится недалеко от коммуны, икоровцы должны по первому сигналу подняться и прибыть на разгрузку леса.

Сторож изо всех сил колотит по билу, да так, что искры отлетают.

В комнатах переполох.

– Что такое? Горит! – кричит один и быстро хватается ведро с водой.

Новые коммунары, недавно прибывшие, лениво чешут спины. Не хочется вставать и выходить в такую морозную ночь.

Выбегает всегда спокойный глава правления – шапка набекрень. Следом за ним – второй, третий, четвертый.

Парни бегут, тяжело дышат, перегоняют друг друга. Самый старший вырывается вперед. Парни подшучивают:

– Начальник, а, товарищ начальник!..

Вскоре ребята уже стоят на платформах. Сопровождающий добродушно посмеивается:

– Ничего у вас не получится, парни.

– Увидишь, убедишься сам, – отвечают икоровцы.

Работа кипит. Парни бросают бревна, шутят, переговариваются. Вскоре четыре платформы тяжелых бревен разгружены. Сопровождающий груз больше не смеется, он серьезен, смотрит с удивлением на парней:

– Молодцы, ребята!

Дорога к коммуне заснежена, два десятка коммунаров шагают по этой заснеженной тропинке.

Северный ветер треплет не завязанные ушанки, лица парней покраснелись от мороза. Вдруг один кричит: «Да здравствуют ударники! Ура!»

– Ура-а-а! – подхватывают остальные...

На следующий день поехали туда икоровцы и привезли в коммуны бревна для строительства нового дома.

Строители, штукатуры, жестянщики и т.д. представляют отдельный коллектив, который работает от стройконторы. Однако они настолько прониклись интересами коммуны, что в работе не чувствуется никаких различий – коммунары это или наемный рабочий. Несколько еврейских строителей даже записались в коммунары. В 1930 году прибыло 11 таких строителей (из них 4 из Амурзета, 5 из Валдгейма). Осенью осталось шестеро. Из них трое отбыли в Биробиджан на различные участки, в «Икоре» на сегодняшний день работают 13 строителей (трое евреев, десять русских). Русские приехали в основном из Оренбурга, Сибири, есть среди них и дальневосточники. А откуда прибыли евреи?

Дадим слово одному из них, товарищу Когану из Саратова. Он рассказывает:

– По наряду ОЗЕТа меня послали на строительные курсы в Биробиджан. Теорию и практику мы проходили в колхозе «Валдгейм». Первое время работать было тяжело, не хватало еды. Жилья тоже не хватало. Но та еврейская молодежь, которая понимала цели и задачи, старательно взялась за работу. Тайга нам понравилась. Полноводная Бира и местные озера кишели рыбой. В свободное время мы ходили на рыбалку. По окончании курсов нас распределили: часть людей направили в Амурзет, часть (среди них был и я) остались в Валдгейме. Несмотря на недоверие техперсонала, нам все-таки поручили мастерить подводды, чтобы вывозить с полей зерно, затем мы строили

шестиквартирный дом. Работа над этим домом доказала, что парни на курсах таки изучали строительное дело.

Затем нас послали в коммуну «Икор». Первое время были задержки с поставкой материалов. Не хватало техперсонала, рабочих рук, особенно квалифицированных специалистов. Чтобы восполнить недостаток стройматериалов, мы сами ходили в лес и рубили деревья. Таким образом, мы, несмотря на все трудности, продолжали работать. Сегодня ситуация изменилась. Стройматериалами мы обеспечены, строим новые здания. Это дает возможность принимать новых переселенцев и развивать наше хозяйство.

Это рассказывает парень, который лично прошел через все испытания и сегодня является одним из лучших строителей в коммуне.

Кроме строителей есть еще 6 русских пильщиков, которые режут бревна и делают трех-, четырех- и шестисантиметровые доски. Штукатуры – шестеро еврейских парней – приехали из Минска. На строительные работы в «Икоре» биробиджанская стройконтора выделила с 1 февраля 1930 года по 1 января 1931 года 42 000 рублей.

По мнению строителей, мешают строительству Биробиджана такие обстоятельства, как несвоевременная заготовка и невысокое качество пиломатериалов, нехватка техперсонала, слабый инструктаж. Но все эти недостатки искореняются благодаря новой ситуации, которая складывается в коммуне. Уже в 1931 году приступили к строительству Соцгородка (по проекту профессора Кунца). Территория городка охватит и коммуну. Достигнуто принципиальное соглашение о том, что коммуна «Икор» сольется с соседней украинской коммуной «Тихоокеанский Октябрь». Обе коммуны составят основу будущего Соцгородка. Однако это грандиозное предприятие требует временной базы, для этой цели используются здания коммуны «Икор». На совместном

совещании американской организации «ИКОР» (эта организация занимается строительством городка и обеспечивает его современными машинами), коммун «Икор» и «Тихоокеанский Октябрь» было решено пока не строить новых зданий, а закончить начатые строительные объекты. Таким образом, в нынешнем году коммуна закончила строительство 11-комнатного дома (под контролем американских рабочих и специалистов). Далее, однако, полным ходом начинается строительство в социалистическом городке, в мае 1931 года оно потребовало, по точным расчетам, 16 строителей, 6 штукатуров, 1 столяра, 1 жестянщика, 6 пильщиков – всего 30 рабочих. Центр нового строительства находится на так называемой Балагановской сопке (в двух километрах от коммуны). В течение 1931 года рассчитывают возвести большой дом, построить коровник и свинарник (каждый на двести голов скота). Таким образом, будет выполнено десять процентов строительного плана. Работу будет выполнять трест «Дальстройобъединение». Для этой цели около коммуны строится кирпичный завод, в котором будет обжигаться местная глина, которая годится для изготовления кирпича.

В 1932 году намечено выполнить 40 процентов строительного плана, а в 1933-м – оставшиеся пятьдесят. Вся эта работа рассчитана на несколько тысяч человек. Кроме более 70 еврейских переселенцев из Аргентины и Германии (Гамбурга), на работу в социалистический городок (Икор) прибыло свыше ста человек из Литвы.

Характерно, что из капиталистических стран поступают заявления от еврейских рабочих, которые хотят приехать на строительство Биробиджана. Так, к 1 сентября 1931 года обратилось 289 человек из Палестины, 52 из Латвии, 15 из Германии, 94 из Франции, 162 из Бельгии и еще большое количество желающих из Аргентины, Литвы. Этот городок – как и Биробиджан, и СССР – привлекает

социально и национально угнетенные еврейские рабочие массы в капиталистических странах. (По плану в 1932 году в Биробиджан должны прибыть из капиталистических стран 12 тысяч человек).

Тракторы на целине

В коммуне есть 2 трактора – «Интернационал» и «Клетрак». Первый икоровцы получили в апреле 1930 года в качестве подарка от ОЗЕТа. Второй – в мае того же года. «Интернационал» коммунары используют для перевозок, так как он мало приспособлен для полевых работ в биробиджанских условиях.

«Работа тракторов организована плохо, – рассказывает товарищ Зубер, тракторист-икоровец. – Во-первых, потому, что нет трактористов, которые должны ухаживать за машинами. Во-вторых, потому, что не решен вопрос с ремонтом техники. Кузница, которая находится в «Икоре», не приспособлена для этой цели. Приходится в случае поломки доставлять трактор в соседнюю коммуну, где имеется ремонтная мастерская».

О том, сколько проблем было у коммунаров во время поломки трактора в прежние годы, рассказывает товарищ Шифрин – бывший тракторист, позже представитель районного переселенческого управления:

– По окончании 8-месячных курсов в Тихонькой я был сразу же направлен в «Икор» на срочную работу. В самый разгар посевной кампании сломался «Клетрак». Ремонтировать его на месте было невозможно – мастерских не было. Пришлось тащить трактор до станции Волочаевка и поездом – в Тихонькую (124 километра). Из Тихонькой трактор отправили в Бирофельд (59 километров).

Так было раньше. Сейчас коммунары решают вопрос с ремонтом тракторов. В прошлом году парни за

восемь часов обрабатывали три четверти гектара целины. На «Клетраке» корчевали и пахали, а на «Интер» сеяли.

Рабочие в помощь коммунарам

Надо отметить несколько десятков рабочих (строителей, штукатуров, жестянщиков и др.), которые не являются коммунарами, не вносят коммунарский пай (5 рублей в месяц), но работают в коммуне, живут здесь, питаются. Работают они под руководством старших (десятников) и подчиняются прорабу. Строительство домов ведет биробиджанская стройконтора. Коммуна не контролирует эту работу, но высказывает свое мнение и т.д.

В начале 1931 года эти рабочие избрали профуполномоченного, с его помощью провели несколько собраний о темпах строительства, отношениях между рабочими и коммуной. Строители отработали один воскресник в помощь строящемуся биробиджанскому Дому культуры, а второй – оплачиваемый день ударника – для коммуны.

Организация работы

Важнейшие вопросы, которые решает коллективное хозяйство, – это организация работы, руководство, планирование. Как коммунары решают эти вопросы?

Всей работой руководит правление, которое выбирается на общем отчетном собрании коммунаров (раз в год). Общие собрания проводятся также каждый месяц, даже чаще. Правление состоит из пяти человек. Глава правления – председатель, которому подчиняются остальные: заместитель, завхоз, заместитель по общим вопросам и кассир. Два-три раза в месяц проводятся

производственные совещания (не считая собраний, которые проводятся с новыми переселенцами). Там выбирают бригадиров, которые подчиняются напрямую завхозу и руководят каждый своим сектором: старший скотник, транспортник, садовник, тракторист, заведующий кухней, прачечной и т.д. Сюда же входят бригады сенокосных бригад, рыболовецких, бригад, работающих на корчевке. В «Икоре» в 1931 году коммунары выполняли функции скотников, конюхов, доярок, молочниц, агронома, зоотехника, прачек, поваров, пекарей, телятниц, водовозов, лесорубов и т.д.

В коммуне выделяют три категории труда. Работники первой категории получают чистыми 25 рублей ежемесячно (плюс 30 рублей, которые снимаются за содержание, – итого 55 рублей). Однако работа организована так, что эта категория может заработать чистыми от 35 до 40 рублей. Сюда относятся доярки, прачки и т.п. Вторая категория получает чистыми 35 рублей (кроме денег за содержание). Фактическая зарплата составляет от 60 до 70 рублей в месяц. К этой категории относится тяжелый физический труд и работа на кухне. К третьей категории относятся квалифицированные работники, такие как трактористы, кузнецы, столяры и т.п., а также руководящий состав.

Как правило, за работу платят 20 копеек в час. Рабочий день десятичасовой. Время работы – с 7 утра до 12 дня и с 2 дня до 7 вечера. Летом приходится работать намного дольше. Зимой наоборот часто невозможно выйти на работу (при 45-градусном морозе или во время метели). Доярки, как уже говорилось, работают с 4 утра с перерывами. Каждый коммунары получает ежегодно двухнедельный отпуск. По мнению председателя тов. Бесселя, один из важнейших моментов в жизни коммуны – это дисциплина. Что касается работы, то нет сомнений в том, что коммунары – очень трудолюбивые ребята.

Социалистические методы работы

Работа по новым методам ударничества и соцсоревнования фактически началась в 1931 году. Правда, еще в 1930 году, во время сенокоса, парни заключили между собой соцдоговор, но о результатах его говорить серьезно не приходится. 21 января 1931 года – в годовщину смерти Ленина – доярки и прачки вызвали на соцсоревнование скотников и транспортников. Скотники предложение приняли, заключив договор с транспортниками (об этом сообщала стенгазета). Благодаря этому удалось повысить надои и улучшить уход за коровами. Скотники также вызвали на соревнование свинаярей.

Позже коммунары разделились на четыре больших бригады: скотников, огородников, транспортников, хозяйственников. Летом еще добавляются тракторная, корчевальная и рыболовецкая бригады. Перед каждым бригадиром ставится определенная задача (контрольные цифры) на десять дней. Таким образом, работают коммунары с желанием и стремлением выполнить промфинплан. Помочь выполнению хозяйственных задач коммуны призваны две рабкоровских бригады: одна из газеты «Биробиджанер штерн», вторая из хабаровской крестьянской газеты «Ленинский путь». Эти бригады опубликовали уже целый ряд корреспонденций. Однако их работа оценивается все еще как слабая.

Культработа – важная сфера

Товарищ Левин, икоровский активист, рассказывает, что культработа началась фактически после того как коммуна перебралась на дежневское опытное поле. Первое время эта работа выражалась только в

организации красного уголка, который существовал при кухне. Свободные вечера парни проводили там за чтением газет, журналов, игрой в шахматы и шашки. Здесь же работала небольшая библиотека, которую коммунары составили из книг, полученных на память при отъезде в Биробиджан. В красном уголке всегда былолюдно и весело. Работал политкружок, кружок ликвидации безграмотности. Выпустили несколько номеров стенгазеты. По вечерам там часто собирались парни и под гармошку отплясывали «сербиянку», «подгорную» и «польку».

– Гармонист Абрашка, – рассказывает тов. Левин, – закатывал рукава и с жаром растягивал меха гармошки. На революционные праздники коммунары совершали так называемые культурные вылазки (это на коммунистическом языке) в соседнюю деревню Дежневку, делали там доклады. Некоторые наши парни были там частыми гостями, принимали участие в вечеринках, танцевали с русскими девушками.

На второй год культработа усилилась. Избрали комиссию, которая вела работу по плану, организовали несколько кружков: два политических, литературный, зоотехнический и др. Практиковали громкие читки. Во время сенокоса член культкомиссии проводил политбеседы и литературные чтения. Летом шефы коммуны – хабаровская школа им. Ленина – установили в коммуне радио, но оно работало всего несколько недель. Редколлегия выпустила за 1930 год восемь номеров стенгазеты «Коммунар» на идише и русском языке. В это же время коммуна получила от хабаровского краевого отдела образования 765 руб. 25 коп. Из этой суммы 150 рублей потратили на покупку книг. Для клуба приобрели оборудование и инструменты (мандолины, гармошку и т.д.). Коммуна получила из Москвы еврейскую библиотеку, которую прислало центральное издательство

ОЗЕТа. Теперь в библиотеке 800 книг. Этого мало, коммунары планируют купить еще.

Седьмого ноября, к годовщине Октябрьской революции, закончили строительство дома и клуба. Новый клуб внес оживление в культмассовую работу, начали регулярно работать библиотека, кружки, политшкола. Культкомиссия организовала при клубе ряд общественных организаций, таких как ячейку «МОПР», «Осоавиахим», «ОЗЕТ», кружок ликвидации безграмотности. Все они первое время работали хорошо. Часто проводились вечера, где звучали доклады на разные темы. Часто устраивали танцы под гармошку. Однако клуб работал всего три месяца – до конца января 1931 года. Из-за нехватки жилья правление решило, как уже говорилось ранее, отдать клуб под размещение рабочих, и коммуна осталась без очага культуры.

Это отчасти ослабило культработу, но мероприятия стали проводить в столовой. Коммунары провели несколько вечеров, осуществили «культурные вылазки» в Дежневку, организовали несколько интернациональных вечеров совместно с украинской коммуной. В марте был организован красный уголок, и культработа снова закипела. Время от времени проводится культурный обмен с коммуной «Тихоокеанский Октябрь». Проводятся различные кампании.

Женщины не отстают

В составе коммуны с первого дня ее существования – небольшое количество женщин. Первыми коммунарами были мужчины. Время от времени в «Икор» приезжали переселенцы, но численность женщин в коммуне все равно оставалась невысокой. Еще на пути в Тихонькую к коммунарам примкнули две девушки, одна – простая работница, а вторая окончила педтехникум. Однако они

пробыли в «Икоре» всего 4 месяца. Одну из них выдвинули секретарем Бирофельдского сельсовета, а другая уехала работать учительницей в русскую сельскую школу (еврейских школ тогда не было). Позже в коммуне появились 2 русские девушки, жительницы д. Бирушки. Они выполняли разную работу – доили коров, косили сено и т.д. Но и они были временными работницами и вскоре уехали. В коммуне совсем не осталось женщин, не говоря уже о коммунарках. Парни сами стирали, мыли полы, доили и т.д. При переезде на дежневское опытное поле в «Икоре» уже была одна девушка. Позже к ней присоединились наемные работницы – русские девушки из соседних деревень. Одна из них стала коммунаркой, вышла замуж за коммунара. А к концу 1929 года в коммуне уже было 6 девчат. В апреле 1931 года в «Икоре» было 14 коммунарок (вместе со строительными работницами – 25).

Женщины играют немалую роль в хозяйстве и общественной жизни коммуны. Почти ни одна из них ни разу не получала выговор или штраф и т.д. Есть среди них ударницы, активистки. Некоторые были премированы за хорошую работу.

Был период, когда парни «воевали» с девушками. Привыкшие к тяжелой физической работе, они часто обвиняли девчат в слабой интенсивности труда. Девушки же твердили, что парни плохо к ним относятся. Позже конфликт был исчерпан, и настроение повысилось.

Девушки в коммуне специализировались на определенных работах: доили коров, варили и подавали еду, стирали белье. Их также привлекали к работе в огороде и леднике. Однако часто приходится им выполнять мужскую работу. Из 14 коммунарок шестеро – комсомолки. Сформировался женский кружок, который выезжает на собрания в соседние деревни. Женщины участвуют в управлении, в культкомиссии,

«Осоавиахиме», «МОПРе», «Красном Кресте» и т.д. Секретарь комсомольской ячейки – коммунарка, которая одновременно является членом Дальневосточного краевого комитета комсомольцев. За последние полтора года пятеро из 14 коммунарок вышли замуж за коммунаров. Летом 1931 года в «Икоре» открылись ясли. Одну из коммунарок послали в Хабаровск на курсы воспитателей. Культработница и агроном – тоже члены коммуны. У троих из них высшее образование, у шестерых – среднее.

Под руководством комсомольской ячейки

Еще в вагоне, на пути к Тихонькой, организовалась комсомольская ячейка, в которую вошли коммунары-икоровцы с курасовщины. Прибыв в Тихонькую, они стали принимать участие в работе местной комсомольской ячейки. На Степном участке коммунары создали свою ячейку, в которую вошли несколько новых переселенцев. Почти все коммунары – 14 человек – были комсомольцами. Выбрали бюро. Когда перебрались на дежневское опытное поле, ячейка состояла только из икоровцев (десять человек). Ячейка занималась в основном хозяйственной работой, руководила организацией работы на разных участках. Объединились с комсомольской ячейкой Дежневки и «Тихоокеанского Октября».

До 18 мая 1930 года в коммуне было 15 комсомольцев и один кандидат в партию. В сентябре 1930 года прошли перевыборы бюро, но к этому времени число комсомольцев сократилось до 5 человек, среди них одна девушка. Причина – отъезд молодежи на учебу. После перевыборов была проведена большая разъяснительная работа среди беспартийных. Благодаря этому число комсомольцев увеличилось до 18 человек (6 девушек и 12 парней). Таким образом, сегодня в ячейке насчитывается 23 человека (16 парней и 7 девушек). Практически все

пионеры «Икора» (за исключением одного человека) уехали на учебу в разные образовательные учреждения Дальнего Востока. В настоящее время часть из них, пройдя обучение, возвращается. Комсомольцы «Икора» принимали участие в Биробиджанской конференции комсомольцев, краевой комсомольской конференции.

Сегодняшние большие перемены в жизни коммуны происходят благодаря комсомольской ячейке. Был проведен воскресник, заработанные средства перечислены в фонд подлодки и монитора «Ленин» для Амурской речной флотилии. В воскреснике приняли участие и беспартийные коммунары. Удалось собрать 102 рубля 54 копейки. Кроме того, ячейка провела воскресник в пользу строящегося биробиджанского Дома культуры. Участие в нем приняло 28 человек, все комсомольцы. При ячейке работают агитаторы, культработники, культкомиссия, три кружка ликвидации безграмотности, 2 политкружка, а также организации «МОПР», «Осо», «ОЗЕТ», «Красный Крест».

Да здравствует пролетарская солидарность!

Коммуна «Икор» поддерживает живую связь с окружающим миром – вплоть до самой Америки. Первые контакты с соседними деревнями икоровцы установили, когда перебрались на дежневское опытное поле, так как вокруг участка «Степной» никаких населенных пунктов не было – голая степь да тайга. Первые контакты с Дежневкой (располагается в 7 километрах от «Икора») и Волочаевкой (в 9 километрах) выразились в виде практической помощи при проведении посевной кампании. Весной 1929 года коммуна помогла бедноте Дежневки сельскохозяйственными машинами. Бедной крестьянке, вдове, дали на время двух лошадей, чтобы та засеяла свое поле. Дежневским крестьянам коммуна выделила

сельхозоборудование – дисковую борону, сеялку, плуги и т.д., а волочаевцам на несколько дней дали триер – просушить зерно. И даже икоровский бык проявил солидарность, подружившись с дежневскими буренками.

Сельхозпомощь соседним деревням коммунары оказывали и в дальнейшем. Во время посевной кампании 1930 года икоровский трактор три дня пахал поле дежневского колхоза (своего у них не было), а во время уборки урожая пользовались дежневцы икоровской молотилкой. Волочаевский колхоз тоже пользовался сеялкой коммуны и другим сельскохозяйственным инвентарем.

Связь «Икора» выражается также в культурном обслуживании. Во время революционных праздников и различных политических кампаний устраиваются культурные выезды в деревни, где икоровцы читают доклады, делятся с крестьянами своим опытом. За лето коммуна провела 5-6 культурных «вылазок» в область. В Дежневке икоровский драмкружок показал в 1930 году восемь представлений. Совместно с «Тихоокеанским Октябрем» провели несколько интернациональных вечеров.

Следует особо сказать о большой помощи, как материальной, так и товарищеской, которую коммуна получает со стороны соседних совхозов. Эти совхозы стараются всеми средствами поддержать молодых товарищей.

Непростым в плане условий работы был 1930 год. В связи с тем, что многие «старожилы» «Икора» уехали на учебу, у коммунаров отмечалось подавленное настроение. И в этот момент словом и делом помогли товарищи из Покровского молочно-огородного совхоза, ободрив икоровцев и призвав их к выдержке. Коммунары с благодарностью вспоминают товарища Березницкого (директора совхоза), который и сегодня поддерживает

тесную связь с «Икором». Этот совхоз не раз выручал коммунаров гвоздями, рамами, дверями, стеклом, железом, жестью, огородным инвентарем, сапогами, продуктами, и даже музыкальные инструменты на праздник одалживал.

Помощь коммуне оказывает молодой совхоз «Свиновод» (станция Волочаевка). Происходит обмен опытом, коммунары учатся у совхозников, как ухаживать за свиньями. В «Свиноводе» планируется специальный воскресник в помощь коммуне.

Кроме того, «Икор» поддерживает связь с различными организациями, шефами и подшефными. Шефы коммуны – местком Дальневосточного крайисполкома, хабаровская школа им. Ленина, Дальневосточный физкультурный техникум, Дальневосточное отделение здравоохранения и т.д. Подшефные – красноармейская авторота, красная Амурская речная флотилия.

Весной 1930 года хабаровская школа им. Ленина послала в коммуну бригаду из 23 человек помочь провести посевную. Местком крайисполкома подарил икоровцам радиоприемник с громкоговорителем, а красноармейцы подшефной роты его установили. На годовщину Дальневосточной краснознаменной Красной Армии, на Первое мая, на праздник Октября делегации коммунаров побывали у красноармейцев, а красноармейцы выступили с докладами в коммуне. На праздновании 13-й годовщины Октябрьской революции в «Икоре» было много гостей: представители подшефной автороты, крайисполкома, бригада врачей (из Дальневосточного отделения здравоохранения), которая провела медосмотр коммунаров. На годовщину Дальневосточной Краснознаменной армии коммунары преподнесли подшефной роте подарки. Кроме того, поддерживается связь с матросами Н-ского монитора Амурской флотилии, с которыми парни переписываются, делятся новостями.

В письме от 9 апреля 1931 года (в связи с трехлетием «Икора») матросы Амурской флотилии пишут: «Поздравляем вас с юбилеем. В вашей работе без сомнения есть большие успехи. Жаль, что мы не можем принять живого участия в вашем празднике. Мы заняты сейчас ремонтом кораблей и вынуждены ограничиться этим письмом. Ваша годовщина как раз совпала с окончанием капитального ремонта нашего корабля. Так же как и мы, вы должны двигаться вперед навстречу вашим завоеваниям, хоть это и нелегко. Ваш юбилей должен еще сильней вдохновить вас на преодоление всех трудностей, с которыми вы сталкиваетесь на пути развития социалистического строительства в сельском хозяйстве. Ваша коммуна – будущий гигант Дальнего Востока, а вы, коммунары, – зародыши социализма...»

Флотильцы рассказывают о своей жизни: «Зимние учения закончились. Теперь мы готовимся к летнему периоду. Задачи, которые ставит перед нами командование, мы выполним с честью. Ремонт нашего монитора мы завершили на 15 дней раньше. На покушение Сато на товарища Аникеева в Японии, на провокации о применении принудительного труда и так далее – мы ответим усилением военной подготовки и изучением военной техники, чтобы при первом призыве нашей партии и власти выступить на защиту мирного труда пролетарского Отечества... Напишите, готовы ли вы к посевной, какие успехи достигнуты за последнее время в вашем хозяйстве, как обстоят дела с политзанятиями, военной подготовкой, как растет ваша коммуна...»

Мы рассказываем о контактах коммуны в пределах Дальнего Востока, но икоровцы поддерживают связь и с Белоруссией, Украиной, Америкой, назвав коммуны в честь американской рабочей организации.

Перечитаем письма коммунаров, которые уехали на учебу в различные техникумы СССР.

В связи с трехлетием любимой коммуны прислали они специальные письма-поздравления. Вот, например, пишет тов. Шапиро (бывший председатель, ныне студент Биробиджанского еврейского техникума социалистического сельского хозяйства): «Дорогие товарищи! Улучив свободную от занятий минутку, решил написать вам несколько слов. Вот я и студент техникума... День, когда я вышел к доске писать диктант, не забуду никогда. Тяжело мне пришлось. Пару дней я вообще ходил, как сумасшедший: мне все казалось, что я приехал не учиться, а покупать коров для коммуны. В конце концов, я привык, принялся за работу, и сейчас уже что-то понимаю... Я знаю, что если уж решил учиться, то должен быть готов ко всему. Как получите мое письмо, прошу сразу же ответить, напишите, что слышно в коммуне. Если б вы только могли почувствовать, как сильно я по вас скучаю!»

Второй коммунар (Рогинский) пишет:

«Начну с того, что с тех самых пор, как я поступил в техникум, настроение у меня такое хорошее, какое редко бывало в Тихонькой или коммуне. А ведь я боялся ехать учиться, думал, что не хватит мне усидчивости, и буду вынужден сбежать. Но, как оказалось, я сильно ошибался... Техникум наш новый. Пять часов мы учимся и три часа проводим в механических мастерских, где занятия проходят очень живо. Мы получаем стипендию 45 рублей в месяц. Тридцать рублей из этой суммы идет на питание. Кормят нас три раза в день...»

В Иркутском сельскохозяйственном техникуме куют знания и опыт наши икоровцы:

«Три года напряженного труда разбили в пух и прах все прогнозы скептиков, которые считали, что коммуна скоро распадется. Путь, проделанный коммуной, связан с историей Биробиджана. Все мы помним 1928 год – сибирская язва, дизентерия, наводнение. Помним первые

месяцы нашего пребывания на дежневском опытном поле. Помним наши походы к кулаку Балаганскому за хлебом и картофелем, и как заламывал он за это три цены. Помним, как не было у нас ни кусочка хлеба, а нам нужно было корчевать. Помним затопленный покос на берегу Тунгуски... Но помним мы и первые радостные дни. Работа коммуны заставила скептиков прикусить языки. А скоро она станет примером того, как мы должны противостоять трудностям. Большие задачи стоят перед коммуной в третий, решающий, год пятилетки. Страна идет вперед гигантскими шагами, партия и советская власть уничтожают кулачество как класс на основе сплошной коллективизации. Классовая борьба в деревне усиливается. И в этой борьбе коммуна должна проводить все директивы партии и советской власти. Не менее важно для коммуны провести вторую большевистскую весну, что должно выразиться в подготовке к посевной. Кроме того, в этом году коммуна как животноводческое хозяйство должна решить пастбищный вопрос.

Все эти нелегкие задачи коммуна выполнит, как выполняла их до сегодняшнего дня. Почет строителям Биробиджана!»

Летом 1930 года коммуны посетила группа режиссеров советского кинообщества. Они обещали включить коммуны в фильм «Биробиджан», работа над которым идет в настоящее время. Вместе с ними в «Икоре» побывал американский журналист. Часто бывают в коммуне ответственные лица из биробиджанского ОЗЕТа, хабаровского КомЗЕТа. Московский ОЗЕТ выделил для коммуны фонд имени Аврома Рейзина. Но после того как Рейзин изменил делу революции, икоровцы написали письмо, в котором просили переименовать фонд в честь коммунистической газеты «Фрайхайт» («Свобода»). Московский ОЗЕТ приобрел на средства фонда библиотеку и послал ее коммунарам.

Новая жизнь, новый образ жизни

Как уже говорилось ранее, все коммунары чувствуют себя членами одной семьи, все причастны к судьбам друг друга. Если, к примеру, парень долго не решается расписаться со своей подружкой, начинают ребята эту пару донимать, дразнят их «женихом и невестой» – и так до тех пор, пока оба в конце концов не женятся. Два года назад правление коммуны выдало премию в сто рублей коммунару, который первым решил жениться (на русской коммунарке). Сегодня такие средства поощрения уже не нужны, так как несколько пар за это время зарегистрировали брак в сельсовете. И уже есть в коммуне два маленьких «икорченка» – Роза и Владлен (в честь Розы Люксембург и Владимира Ленина).

Отдельно следует сказать о русских коммунарках (русских коммунаров в «Икоре» нет), которые уже долгое время находятся среди еврейских парней. Это в основном деревенские девчата, которые изрядно разбавили «местечковую рафинированность» переселенцев простыми манерами. Девушки чувствуют себя в коммуне так хорошо, что и не думают уходить отсюда.

Вот, к примеру, какая история произошла нынешним летом. Из соседней деревни в коммуну пришла русская девушка. В руке небольшой узелок, голубые глаза, детское личико, обрамленное копной стриженных льняных волос. Села на ступеньку крыльца общежития, опустила голову и робко сказала: «Я к вам пришла. Возьмите меня к себе, пожалуйста».

Парни решили принять ее в коммуну. Пригласили ее к столу. Она записалась. Уже через минуту девушка начала хлопотать в общежитии, перестилать наскоро застеленные кровати, убираться в комнатах. Делала она это так спокойно и привычно, как будто прожила в коммуне

долгое время. Когда закончила с уборкой, вышла во двор, нашла прачечную и стала помогать девочкам стирать.

А к вечеру нагрянули ее родители и принялись уговаривать дочку вернуться домой. Та – в слезы: «Не-е-т, я домой не поуйду-у!» Надоела ей, мол, тесная закопченная изба и вечная ругань, хочется ей жить среди молодых, среди «своих»...

В общем, осталась она в коммуне. И такие случаи не единичны. Все чувствуют себя в коммуне своими, родными.

А вот к подрывникам, пустословам и вредителям здесь отношение иное. Просачиваются иногда такие элементы в ряды коммунаров. Но их, благодаря коммунарскому чутью, удается быстро демаскировать и исключить. Если коммунар совершил поступок, противоречащий интересам коллектива, он несет за это ответственность. Для этой цели существует товарищеский суд, который состоит из одного судьи и двух заседателей (всего заседателей 13 человек, они по очереди меняются). Суд пользуется большим авторитетом. В некоторых случаях судит правление. Общественное порицание имеет сильное влияние на коммунаров, их поступки.

Некоторые гости, в основном из крупных городов, высказывали претензии по поводу того, что коммунары неаккуратно одеты. Они забывают, что ежедневный труд в коммуне связан с уходом за скотом. Коммунарам приходится ходить по грязи, по болотам, по горло в стоячей воде, под дождем, в изнуряющую жару или лютые морозы... Зато когда наступает праздник, юбилей, – коммунары скидывают с себя рабочую одежду и худые сапоги. Приходит «цирюльник» (тоже коммунар, которого на это время освобождают от другой работы), он бреет наших икоровцев не хуже настоящего парикмахера. Парни надевают сапоги и одежду, которые уже успели побывать в починке у икоровских сапожника и портного. В женских

комнатах в такие дни не протолкнуться – парни приходят сюда «сухарничать». Одни рассказывают, что это слово родилось в 1920–1922 годах, во время волочаевских сражений. Местное население, которое симпатизировало партизанам, каждый день снабжало их свежими сухарями. Это повторялось настолько регулярно, что когда деревенские девчата с очередной порцией сухарей задерживались, партизаны шутили: где же наши сухарницы? Оттуда это понятие распространилось на территории Дальнего Востока и стало означать посиделки с девушками, флирт. Другие, однако, утверждают, что слышали это слово задолго до 1920 года, и что оно употребляется в речи дальневосточников и сибиряков.

Как уже говорилось ранее, в связи с нехваткой жилых помещений читальный зал и клуб в начале 1931 года были заняты новыми переселенцами. Поначалу им даже приходилось тесниться на узких кроватях вместе с ранее прибывшими коммунарами. Лишь в мае в общежитии стало просторнее – был построен новый дом. Были приняты меры по обновлению читального зала. В это же время был открыт медицинский кабинет, прием ведет коммунарка, которая окончила еврейский медицинский техникум в Гайсине (Украина).

Побеспокоилась коммуна и о детях, которых здесь уже немало. Во-первых, прибывают семьи с детьми. Во-вторых, семьи образуются внутри коммуны. В-третьих, малышня прибывает вместе с рабочими, которые заняты на различных работах в коммуне. В апреле 1931 года было 9 детей ясельного возраста, еще семеро посещали детскую площадку. Как уже говорилось ранее, икоровцы послали коммунарку на курсы воспитателей в Хабаровск. Она уже вернулась и приступила к организации яслей, которые примут детей как ясельного возраста, так и тех, что постарше. Ясли открываются 1 мая. Родители на собрании

горячо приветствовали решение биробиджанского районного отдела образования открыть в коммуне ясли.

Условия жизни в коммуне еще далеки от идеальных. Но сегодня ситуация все-таки лучше, чем была прежде. Скоро закончится строительство нового дома, строится Соцгородок, и можно быть уверенными, что и на этом фронте, благодаря ударному труду, коммунары одержат победу.

Глава 3. Социалистическое лицо «Икора»

В завершение давайте попробуем проанализировать социально-экономическое положение коммуны. Посмотрим, какие изменения произошли в коммуне за период ее трехлетнего существования. Следует помнить, что своей нынешней численности (90 человек) коммуна достигла в результате различных процессов, не всегда однозначных.

В апреле 1928 года коммуна насчитывала 14 парней, к концу года их оставалось 12. В конце 1929 года в коммуне было 25 человек, в конце 1930-го – 49, а в марте 1931 года – 65. Казалось бы, численность все время увеличивалась, однако фактически ситуация складывалась по-другому. Так, в течение 1929 года в коммуны прибыло гораздо больше 13 человек, а в 1930-м – больше, чем 24. То есть, происходил отток переселенцев.

С помощью анкетирования, проведенного среди коммунаров, удалось установить причины оттока. Во-первых, иногда людей исключали механически. «Икору» нужна продуктивная рабочая сила, а некоторые переселенцы не оправдывают доверия, их приходится исключать. Вторая причина – отъезд «домой», то есть в основном в Белоруссию и на Украину. Мотивируется это решение необходимостью помогать нетрудоспособным членам семьи, оставшимся на родине. Третья причина –

переход на другую (например, партийную) работу. В-четвертых, часть коммунаров отправили на учебу. За последнее время студентами разных учебных учреждений Дальнего Востока стали 13 парней. Они учатся в Биробиджанском еврейском техникуме социалистического сельского хозяйства, в Новополтавском еврейском сельскохозяйственном институте, в Хабаровске, Иркутске, Благовещенске и т.д. Пятая причина – служба в армии. «Икор» до последнего времени оставался молодежной коммуной, поэтому коммунары подлежали призыву в армию и на флот.

Что касается того, куда едут отсевшиеся люди, бросается в глаза такой факт: если те, кого отпустили по семейным обстоятельствам, действительно уезжают на Запад, то те, кто был исключен, в основном остаются на Дальнем Востоке. Их можно встретить потом на Сахалине, Камчатке, во Владивостоке. То есть, имея заранее свои определенные цели, они использовали коммуну в качестве транзитного пункта.

Отток коммунаров происходит в основном в осенние месяцы. Во-первых, это объясняется началом учебного года, когда студенты разъезжаются по своим учебным заведениям, а во-вторых – суровой зимой, когда градус «радости труда» заметно понижается.

Любопытен и такой факт: те, кто уезжает из коммуны, жили прежде в крупных городах, где культурно-бытовые условия, скажем так, гораздо лучше, чем в тайге. Среди тех, кто остается в коммуне, преобладают в основном выходцы из местечек и деревень. Им легче приспособливаться к жизни в коммуне.

Попробуем сделать выводы о сегодняшнем составе коммуны. Это преимущественно молодые парни (лишь недавно в «Икор» стали вливаться семейные люди), в возрасте от 18 до 25 лет. В основном неженатые. Это объясняется тем, что сначала для переселения в

Биробиджан вербовали главным образом мужчин. Национальный состав коммуны (не считая двух местных русских девушек, которые пожелали жить и работать в «Икоре») – евреи.

Интересен также перечень профессий, которыми владели коммунары ранее. Стоит перечислить некоторые из них: слесарь-счетовод, чулочник-крестьянин, гвоздодел-рабочий конфетной фабрики, ткач-строитель, фармацевт и так далее. Какая невероятная «многопрофильность» у каждого коммунара! Это очень ярко характеризует «экономическую стойкость» «профессионалов» и бросает определенную тень на биробиджанское переселение в целом.

Меж тем, грамотных среди коммунаров – лишь 54 процента. Остальные либо малограмотные, либо вовсе неграмотные. Это в основном новоприбывшие парни – труженики из местечек, беднота. Среди них будет, конечно, проведена работа по ликвидации неграмотности, однако высокий процент малограмотных показывает, что уровень образования коммунаров далек от удовлетворительного.

Что касается русского языка, то все 100 процентов грамотных коммунаров могут на нем читать и писать. Из них только 52 процента читают и пишут на идише. Переселенцы из Белоруссии и западной части Украины считают идиш родным языком, в своем большинстве это местечковые, деревенские парни. Городских среди них меньше.

Почти все коммунары объясняют свой приезд в Биробиджан стремлением достичь определенные материальные, экономические цели, получить квалификацию, заняться физической работой и т.д. Если говорить о длительности пребывания в Биробиджане, то здесь доминируют такие цифры – один год, два года. Из тех 14 пионеров, которые приехали в коммуну в 1928 году,

осталось двое. Остальные, как уже говорилось ранее, учатся. Количество семейных икоровцев невелико. За последний год расписались семь коммунаров и коммунарок.

Сами икоровцы, говоря о жизни в коммуне, жалуются главным образом на слабую культмассовую работу и плохие жилищные условия. Это сегодня составляет главную заботу соответствующих органов, в связи с чем предъявляются особые требования к темпам строительства и развития хозяйственной сферы. Бытовые условия связаны с жилищным кризисом, точнее сказать, из-за недостатка жилых помещений страдают бытовые условия и культурно-просветительская работа.

Однако большинство коммунаров, согласно анкете, уже сегодня оценивают жизнь в «Икоре» как хорошую и даже очень хорошую. Некоторые ответили на этот вопрос так – «еще не успели узнать».

Что касается Биробиджана, то как показывает анкетирование, большинство коммунаров удовлетворены его условиями. Одни говорят о природных богатствах этой земли, залежах минералов, запасах древесины, рыбных богатствах. Другие отмечают климатические условия этой территории, говорят о ее больших перспективах, о том, что здесь можно развить грандиозное строительство, о том, что это «страна будущего». Подчеркиваются в анкете и слабые темпы строительства. Некоторые коммунары сетуют на морозы и гнус, но с оговоркой на то, что эти трудности не критичны. Часть коммунаров считает, что необходимо лучше обеспечивать переселенцев.

Таким образом, мы наглядно видим, как в течение года-двух вчерашняя беднота, малограмотная молодежь (наследие капиталистического строя) со случайно приобретенными профессиональными навыками, вливаются в социалистическое хозяйство, увеличивая активные общественные силы пролетариата. Многие из

этих политически индифферентных молодых людей уже в течение первого года жизни в «Икоре» становятся комсомольцами.

Мы можем отметить, что из числа уже устроившихся переселенцев (не принимая в расчет тех, кто уезжает сразу после прибытия) отсеивается примерно 50 процентов. Тенденция к отъезду очень низка среди семейных. Количество женщин среди икоровцев до настоящего момента оставалось небольшим. Это в определенной степени повлияло на отъезд из коммуны мужчин. Но в последнее время численность женщин стала увеличиваться.

Район местонахождения коммуны, по аттестации икоровцев, по своему экономическому положению, природным богатствам и другим условиям, пригоден не только для земледелия, но и для развития других отраслей народного хозяйства. Доказательством тому может послужить Соцгородок, который строится на этой территории.

Как мы видим, три года жизни коммуны оказали правильность решения советских органов по продуктивизации и оздоровлению еврейской бедноты, еврейской молодежи. Это видно из статистики и динамики «Икора».

Сегодня в «Икоре» живут и организовано работают 90 коммунаров. Хозяйство, которое в начале существования коммуны насчитывало единичные экземпляры скота, получило значительное развитие. Сегодня в нем насчитывается 115 коров, 250 свиней, 25 лошадей, имеются большие сельскохозяйственные машины, 2 трактора, два больших дома. Коммунары выкорчевали свыше 30 гектаров земли, 75 гектаров засеяно различными культурами: пшеница, картофель, овощи, гречиха и т.д. Коммуна регулярно обеспечивает Хабаровск молокопродуктами. «Икор» сдал в кооперацию сотни

пудов кеты и икры. Молодые коммунары-ударники учатся в различных учебных заведениях. Уже скоро часть из них вернется со свежими знаниями и наработанной практикой. Коммунары ставят перед собой большие задачи: увеличить поголовье свиней на 400 свиноматок, выкорчевать и осушить большие болота. Коммуна включилась в соцсоревнование с тремя еврейскими районами и Крымом.

Для выполнения намеченного плана для социалистического Биробиджана необходима армия новых ударников-большевиков, парней из местечек Украины и Белоруссии, которые должны прибыть на строительство района еврейского переселения.

Широкая пролетарская общественность СССР, революционные рабочие капиталистических стран должны помочь колонизации как материально, так и идейно. Начало положено. Еврейские рабочие из Америки строят вокруг «Икора» образцовый Соцгородок, но этого мало.

Еврейские пролетарии, труженики, рабочие всего мира! Теснее сомкните ряды вокруг Советского Союза, где под руководством ВКП(б) происходит грандиозное историческое социалистическое строительство, уничтожайте классовых врагов пролетарской диктатуры, разоблачайте политическую агентуру империализма. Усилим социалистическое строительство у берегов Тихого океана на Дальнем Востоке, укрепим социалистический Биробиджан. Тем самым будет внесен вклад в строительство Советского Союза, родины всех трудящихся!

Содержание

А. Лейбман (Лев). Коммуна «Икор». Пионеры-коммунары на фронте строительства социалистического Биробиджана. Перевод с языка идиш, 2016 г.

Редактор: В.С. Гуревич
Переводчик и литературный редактор Е.И. Сарашевская
Усл. п.л.